

вые барьеры – значимый фактор сюжетного движения и активности повествователя. Однако пол-

ное преодоление коммуникативных барьеров оказывается, по-видимому, невозможным.

УДК 81126

УГРОЗА: МОДЕЛЬ РЕЧЕВОГО ЖАНРА И СРЕДСТВА ЕЕ ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

Т. Г. Рабенко, Н. Н. Нестерова

Современная лингвистическая наука, базирующаяся на принципе антропоцентризма, помещает в центр исследовательского внимания проблему «язык и личность», в решении которой приоритетным становится пристальный интерес к продуктам речевой деятельности говорящего субъекта. Ориентированность на «человека говорящего» – «homolinguos» обусловила развитие такого направления, как жанроведение, в центре которого выступает личность с ее интересами, желаниями, волеизъявлениями. Отсюда возникший интерес к эмоциональной сфере коммуникации как одной из составляющих человеческого фактора в языке. Кризисные явления в современном обществе, сопровождающиеся трансформацией общественного сознания, неизбежно приводят к изменениям социальной деятельности человека. На фоне разнообразных форм перестройки индивидуального сознания и поведения наблюдается значительное повышение уровня агрессии во всех ее проявлениях. Относительно недавно самостоятельным объектом исследовательских интересов лингвистов стала вербальная агрессия как фундаментальная стратегия человеческого общения, реализующая дисгармонизирующее индивидуально-эгоистическое речевое поведение. Обнаружено, что явление вербальной агрессии сопряжено с речевыми действиями, устанавливающими или поддерживающими социальное и психологическое неравноправие коммуникантов.

Научное описание речевой агрессии, вписываясь в общую тенденцию современной лингвистики, связанную со становлением и развитием идеи функционализма, позволяет рассматривать данный феномен с позиций жанроцентрического подхода к речи. Основанный на выделении речевого жанра (далее РЖ) в качестве базовой единицы речи такой подход дает возможность проследить устойчивые коммуникативные формы воплощения вербальной агрессии, наметить их особый эмоциональный заряд. Обращение к исследованию РЖ обусловлено переносом исследовательского интереса с изучения языковой системы на изучение продуктов речевой деятельности говорящего человека – речевые произведения. Учение о РЖ, основы которого были заложены видным отечественным ученым М. М. Бахтиным [1979], в настоящее время породило целое научное направление в лингвистике. РЖ, являясь базовым термином данного научного направления, оказывается единственной первичной формой существования языка.

В рамках всего многообразия жанровых форм традиционно выделяются РЖ, которые устойчиво ассоциируются с речевой агрессией. К их числу принадлежит РЖ угрозы. Феномен угрозы неоднократно становился объектом изучения в разных аспектах, нацеленных на просодические характеристики угрозы (Н. А. Бут), полиллокутивность РЖ угрозы (Б. Б. Быстров), языковые средства оформления РЖ угрозы (В. С. Ковалева), функционирование РЖ угрозы в сленге современной молодежи (Е. В. Любичкая), специфику коммуникативных неудач (А. Ю. Маслова), функционально-прагматическое поле угрозы (И. А. Мартынова) и т. д. Кроме того, угроза рассматривалась на разном языковом материале: немецком (Н. А. Бут), английском (И. А. Мартынова), французском (В. С. Ковалева), русском (Е. В. Любичкая, А. В. Сперанский и др.).

Настоящее исследование связано с перспективным направлением разработки теории РЖ и предполагает проведение научных поисков в актуальной в настоящее время области языкознания – лингвистической прагматике. Подобный подход позволяет получить достаточно целостное представление о РЖ угрозы как единице, в которой диалектически связаны собственно языковое и внеязыковое, экстралингвистическое содержание, что, в свою очередь, дает представление о специфике функционирования этого РЖ в процессе реальной коммуникации. Актуальность работы определяется необходимостью комплексного анализа способов и средств выражения изучаемого жанра, а также стратегий построения РЖ угрозы как одного из средств вербального воздействия.

Установлено, что угроза относится к РЖ с высокой степенью категоричности. Адресат сталкивается с желанием адресанта достичь коммуникативной цели во что бы то ни стало. При невозможности добиться желаемого с первой попытки отправитель угрозы прибегает к таким языковым и неязыковым средствам, которые могут расцениваться как насильственное воздействие или давление на предполагаемого исполнителя действия. Коммуникант использует тактику коммуникативного давления. Задача говорящего в ситуации эмоционального конфликта – просто «оглушить» своего оппонента в надежде, что он не сможет в результате оказать сопротивление, а выполнит все требования, предъявляемые адресантом угрозы. Отсюда наиболее сложным и представляющим наибольший научный интерес является исследование особенностей рече-

вого воздействия с учетом характеристик адресанта и адресата в рамках коммуникативного подхода к языку. Употребление угрожающих высказываний приравнивается к табуированным речевым действиям и характеризуется как целенаправленное деструктивное поведение. Для этого адресант путем влияния на эмоциональную сферу адресата всячески стремится понизить статус последнего, уровень его самооценки, доказывая тем самым свое превосходство, а значит, и возможность диктовать свою волю. Выбранные говорящим средства давления на адресата разрушают баланс взаимоотношений, приводят к конфликту между участниками общения. Коммуникативное давление предполагает пренебрежение индивидуальным лицом собеседника, вторжение внутрь личной сферы индивида, установление «превосходства» личной сферы говорящего над сферой адресата. В РЖ угрозы говорящие прибегают к вербальному и невербальному давлению на собеседника в различных сферах общения, причем даже такие компоненты ситуации, как более высокий или равный социальный статус собеседника или то, что участники общения практически незнакомы, не ограничивает коммуникантов в выборе вербальных средств воздействия.

Формы речевого поведения в рамках коммуникативной ситуации угрозы предполагают разные варианты, которые можно объединить в определенные типы. Вариативность в выборе речевых средств выражения внутри жанра угроза предопределяется стратегиями и тактиками внутрижанрового речевого поведения. Под коммуникативной стратегией понимается «совокупность речевых действий, направленных на решение коммуникативной задачи говорящего» [Труфанова, 2000 : 58]. Речевая стратегия выбирается последним бессознательно, и именно она определяет общую тональность внутрижанрового общения. Как правило, стратегию определяет макроинтенция одного (или всех) участника диалога, которая обусловлена социальными и психологическими ситуациями. Однако нельзя смешивать стратегию с коммуникативной целью. В РЖ угрозы может быть несколько стратегий в зависимости от индивидуальных особенностей говорящего, от типа языковой личности; тогда как цель угрозы одна – заставить адресата подчиниться воле говорящего и выполнить действие, идущее вразрез с его (адресата) интересами. Средство достижения этой цели – запугивание. Часто угрожающий достигает своей цели: – *Да смотри, чтоб ни одна душа не знала. Смотри!*

– *Понимаю – тайна!* (Розов. «В дороге»).

Для говорящего в РЖ угрозы характерно желание реализовать свое коммуникативное намерение. Для его осуществления в РЖ угрозы коммуникант, как правило, руководствуется рядом мотивов. Среди них:

1. Желание сделать что-то плохое собеседнику, стремление сказать что-то скверное:

– *Вот свинья, ну, ты у меня попросишь в следующий раз* (из устной речи).

2. Вызвать осуществление событий, необходимых, желательных или, напротив, нежелательных, опасных для кого-то из участников общения: – *Если ты не начнешь одеваться, я уйду без тебя* (из устной речи).

3. Стремление понизить статус слушающего, уровень его самооценки, доказывая тем самым свое превосходство, а, значит, и возможность диктовать свою волю: – *Ты хоть понимаешь, как ты со мной разговариваешь? Ты знаешь, кто я такой, хочешь нарваться на неприятности? Ты их получишь* (из устной речи).

Угроза позволяет выделить отдельные приемы речевого воплощения тактик, где под тактиками понимается «одно или несколько речевых действий, способствующих реализации определенной стратегии» [Труфанова, 2000 : 58]. Сюда относятся **семантические, прагматические и стилистические** средства, обозначенные М. Ю. Федосюком [1997] как средства отрицательного речевого воздействия.

К тривиальному способу осуществления тактик можно отнести прежде всего **семантические средства воздействия** на адресата, при которых отрицательное воздействие на эмоции адресата проявляется через явную или имплицитно выраженную отрицательную оценку этого адресата: – *Перестань, Храпушина. Тебе дай повадку, так ты на шею сядешь! Замолчи, говорю, а то немедленно сдам тебя органам, не дожидаясь, когда тебя на самогоне накроют и за содержание притона* (Пастернак. «Доктор Живаго»).

Прагматические средства воздействия на коммуниканта обусловлены особым характером поведения говорящего. Ведущим прагматическим составляющим в РЖ угрозы оказывается [Шелингер, 1986 : 12] намерение говорящего совершить действие, названное в угрозе, а также способность говорящего совершить действие, названное в угрозе: – *Пешка ты... Я тебя сотру – вздохнуть не успеешь.*

– *Все вы... пособники! И я – не меньше. Вот люди!.. Бьются... В лицо друг другу смотрят. А ты, шкура, по углам притих?*

– *Ну я тебе сделаю бенц!* (Бросается на Ласочкина) (Арбузов. «Ночная исповедь»).

Очень типичный и наиболее сильный из всех прием – это отказ от продолжения разговора, при котором угрожающий заставляет замолчать слушающего: – *Ты отнял у меня все. Тебе мало было партии, ты отнял у меня Наташу.*

– *Ты замолчишь, или я сброшу тебя вниз* (Арбузов. «Город на заре»).

Другая форма отказа от дальнейшего общения – высказывание, побуждающее партнера уйти: – *Уходи! И если ты хоть когда-нибудь близко ко мне подойдешь... если ты хоть когда-нибудь... Алексей! Выгони его... Выброси его на улицу!* (Арбузов. «Домик на окраине»).

Либо адресант уходит сам, отказываясь от общения: – *Ну, погоди, Хрустиков, ну погоди...* (*Бежит далее*) (Арбузов. «В этом милом доме»).

Отказ от продолжения разговора может быть высказан и со стороны второго коммуниканта. Он проявляется в стремлении адресата (поскольку именно слушающий не заинтересован в осуществлении действия, [Шелингер, 1986 : 12]) не поддерживать или прервать коммуникацию: – *Подойдешь – убью.*

– *Идиотка, – констатировал Димка.*

– *А ты кто? – поинтересовалась я.*

Он встал и ушел, очень недовольный. Что-то я в нем задела (Токарева. «Система собак»). В этой ситуации адресат явно недоволен поворотом событий, поэтому он прекращает общение тем, что оставляет своего собеседника одного.

Не менее эффективен прием осознанного нарушения норм речевого этикета. Например, переход одного или обоих участников диалога с вежливого обращения на «вы» к фамильярному «ты»: – *Он всегда с Вами так хорошо разговаривал...*

– *Отлипни, говорят!*

– *Ты сама молчи. Знаю, как ты хлеб вешаешь да сколько черным ходом уносишь* (Розов. «Вечно живые»). Этот переход от «вы» к «ты» необходим для большего унижения и подавления противника.

Еще одним грамматическим показателем конфликтного речевого высказывания является использование местоимения 3 лица по отношению к собеседнику (главный герой рассказа В. М. Шукшина «Обида» был ошибочно принят за мужчину, накануне устроившего дебош в магазине. Необоснованные обвинения продавца были поддержаны одним из покупателей):

– *Почему Вы выскочили заступаться за продавцов? Я правда не был вчера в магазине.*

– *Иди простишь сперва! Понял! Он будет еще останавливать... «Поговорить». Я те поговорю! Ты у меня в другом месте поговоришь!*

– *Ты что, взбесился?*

– *Это ты у меня взбесишься! Счас ты у меня взбесишься, счас. Я тебе говорю, подворотня чертова!* (Шукшин. «Обида»).

Как правило, любое высказывание, имеющее форму угрозы, ставит того, кому оно адресовано, в подчиненное положение. Возможно, именно поэтому для данного РЖ так характерен властный, командный тон (в романе Ю. Буйды «Домзак» свекровь постоянно угрожает своей невестке за то, что та, столкнув ее сына с высоты пьяного, сделала его инвалидом):

– *Сука, – сказала пьяная свекровь, потрясая двустолкой. – Теперь слушай мою команду: если увижу, что ты его обижаешь, пристрелю. А вернется младший из Чечни, он тебе за Мишку отомстит по полной программе.*

Иногда откровенная грубость одного из коммуникантов делает невозможным дальнейшее общение и столкновение участников разговора перерастает в

драку (в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» прохожий пытается защитить мальчика от избиений. От нападающего в его сторону звучит угроза):

– *Проходи, проходи, говорю, покуда цел. Дух из тебя я вышибу учить меня, собачье грузно! Тебя на шпалах делали, северяня кровь, у отца под самым носом. Мать твою, мокрахвостку, я во как знаю, кошку драную, трепаный подол!* (После этого завязывается драка).

Существует и третья группа приемов угрозы. Их воздействие обусловлено стилистической окрашенностью языковых средств. Так, стремясь добиться своего, угрожающий часто употребляет слова и выражения со сниженной и негативной окраской. Наиболее убедительным лексическим сигналом конфликтности речевого высказывания является употребление инвективной лексики, прежде всего как орудия понижения социального статуса адресата («стрессовая инвектива» [Третьякова, 2005 : 37]). Функции оскорбления в высказывании, содержащем угрозу, сводится к тому, чтобы:

1) выразить негативные эмоции в отношении уже совершенных собеседником действий (**реактивная инвектива**): – *Зин, одолжи пятерочку! – воскликнул Михал Иванович.*

Тетка отмахнулась.

– *Угоришь с вина... Слышал, постановление вышло? Всех алкашей повесить на тросу! <...>*

– *Вот курва старая! Ты у меня еще дров попросишь... (Довлатов. «Заповедник»),*

2) заставить другую сторону изменить поведение, спровоцировать определенные действия со стороны адресата: – *...если ты еще, падали кусок, я ...могу измять дорогой костюм* (Корсунков. «Очередь»).

Достаточно обидный способ унижения собеседника – употребление в качестве инвективы сравнения с животным для номинации частей человеческого тела (морда, лапы, хвост, пасть, шкура и др.): – *Если ты не закроешь свою мерзкую пасть, в твою башку полетит тарелка!* (из устной речи); – *Курва фашистская! Погоди, я тебе хрюкало скособеню...* (Чугунов. «Прости меня завтра») или использование инвективы для номинации своего оппонента (зоонимическая метафора): *гнида (прост. бран.), кошка (прост) шелудивая, змея, курва, коза (-ел) вонючий (-я), свинья (разг.), суслик, мышь низкая, вша, древесный клоп (разг.), клуша (прост.), собачье грузно, дятел (неодобр.).*

Для конфликтного РЖ характерно использование оценочной лексики при характеристике партнера: его внешности, определенных личностных качеств. В состав этой лексической группы могут входить:

а) единицы, актуализирующие рациональные оценки, которые свидетельствуют о низких интеллектуальных качествах собеседника: – *Вот змей-то! Козел вонючий. Ну-ка забирай свою бутылку – и чтоб духу твоего тут не было! А то возьму ухват*

да по башке-то по умной... Умник! (Шукшин. «Билетик на второй санс»);

б) эмоциональные и эстетические оценки: *гад* (-ина) (прост. б. н.) *подколотый* (-ая), *худой* (-ая), *мерзавец* (-ка), *сволочь* (груб. прост.), *дрянь* *вонючая*, *вертихвостка* (прост.), *грязная тварь* (прост.), *мерзкая подстилка*, *дурак* (разг.), *падла*, *молокосос* (разг. кренебр.), *ворюга* (прост. презр.), *негодяйка*, *потаскуха* (прост. презр.), *мразь* (прост.), *цаца* (прост. кренебр.), *субъект*, *красавец*, *вражина*, *дьявол* (прост.), *туз* (разг.), *продавленная кушетка*, *десять должностей*, *шайтанка* (прост.), *хулиган*, *кретин* (прост.), *голодранец* (прост.) *поганый*, *немырь*, *пешка* (разг.), *сука* (груб. прост.), *хайло* (груб. прост.), *зараза* (груб. прост.), *севрюжья кровь*, *мокрохвостка*, *трепанный подол*, *хам* (разг.), *бестыдник*, *книжная душа*, *купчонок недоношенный*, *скважина*, *кривоносок*.

Такая лексика, воздействуя на эмоциональную сферу адресата, призвана свидетельствовать об отношении говорящего к собеседнику, стремлении понизить уровень самооценки последнего, продемонстрировать перед ним свое превосходство, а значит, возможность диктовать свою волю.

Далее, лексическим маркером конфликтности речевого высказывания служат слова – *агнотимы*, такие лексические единицы, которые неизвестны, непонятны или мало понятны носителям языка: – *В чем дело, граждане затопляемые?* – *важно спросил второй мужик.* – *Мы санитарная бригада, ведем очистку территории. По распоряжению санэпидстанции.*

Непонятное слово показалось Настасье издевательским.

– *Какой ишо сам-аспид-стансы?* – *сейчас же вздернулась она.* – *Над старухами измываться! Сам ты аспид! Обои вы аспиды ненасытные! Кары на вас нету. И ты меня топором не пужай. Не пужай, брось топор* (Распутин. «Прощание с Матерой»).

Вербальный агрессивный акт как средство психологической разрядки иногда вообще не имеет адресата, т. е. направлен в пространство. Поэтому еще одним типичным приемом изучаемого жанра оказывается «угроза в сторону»: – *Зря я тебя оттуда увел.*

– *Зря!* – *вдохновенно согласился Шлепа.* – *Я бы им показал!* (Токарева. «Гималайский медведь»). Адресант не уверен в своих возможностях, поэтому опасается произносить угрозу в лицо оппоненту и сообщает о своем намерении другому человеку, для которого не предназначена угроза. Здесь проявляется наличие некой несостоятельности говорящего. Либо адресант «выпускает пар» в разговоре с самим собой: – *Ну ладно, не хочешь по-хорошему, будет по-плохому. (Оставшись один.) Ты у меня еще получишь* (из устной речи).

Выражения угрожающего характера являются сильными и достаточно жесткими и употребляются, когда нет другого выхода и прочие более мягкие виды РЖ не возымели желаемого эффекта. Именно

поэтому конфликтующие стороны, оформляя угрозу, прибегают к таким формам глагола императив и прохибитив (императивная форма с отрицанием) в разном речевом оформлении:

– угроза, реализованная через глагол в форме повелительного наклонения. Например: – *А ты помалкивай! А то и твои запру! Вырастила вертихвостку! За парнями бегаешь! Милиция удерживать не может!* (Токарева. «Неромантичный человек»). Конструкции с императивными формами глаголов в исследуемых ситуациях выражают запрет, налагаемый одним из коммуникантов на начатое другим коммуникантом действие;

– инфинитив в значении побуждения: – *Молчать!* – *произнес угрожающе тот, кто сидел напротив* (Довлатов. «Заповедник»); – *И не бежать. Не вздумай даже. Я не застрелю. Но я сильно побью, понял?* (Маканин. «Кавказский пленник»). Инфинитив показывает в данном случае высокую степень категоричности;

– это же значение передают конструкции, включающие прохибитив: – *Не скаль, не скаль зубы-то! Вишь ведь разъехался!* – *Евдокия кивнула на усадьбу Михаила.* – *Не боишься, как раскулачат?* (Абрамов. «Дом»);

– не + инфинитив (не подходить, не брать и т. д.) в значении побуждения: – *Конфеты со стола не брать, а то больше сладкого вообще не получите* (из устной речи);

– частица только + глагол в форме повелительного наклонения (только тронь, посмей, подойди, попробуй и т. д.) в значении отрицания: – *Вот только подойди!* – *пригрозила Вероника* (Токарева. «Неромантичный человек»);

– не + глагол второго лица (не подойдешь, не скажешь) в значении побуждения: – *Больше ты к ней не подойдешь, понял? А то быстро тебя отсюда выгоню* (из устной речи).

Побудительные формы глаголов не только вносят в высказывание высокую степень категоричности, но и отражают тесную связь жанра угрозы с побудительными жанрами приказа, требования, просьбы и т. д.

В большинстве своем агрессивные намерения адресанта выражаются глаголами (чаще стилистически маркированными) следующих ЛСГ [Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы, 1999]:

1. ЛСГ глаголов физического воздействия на объект

1.1. Глаголы нанесения удара: *дать* (прост.) – *ударить*; *(по)бить*; *ударять/ударить*; *взгреть*; *выдереть* (разг.) в значении «*бить, хлестать плетью, кнутом*» [Словарь русского языка, 1985 : 444]; *двинуть*; *огреть*; *опоясать*; *ошарашить*; *садануть*; *сездить*; *треснуть* и т. п. Действие может выражаться дополнительными лексическими средствами,

указывающими на инструмент действия и нередко на часть тела, к которой будет нанесено повреждение: *ударить по башке; закатать между глаз; дать ... по лбу, по башке, по шее, по морде; насмучать ... по башке, ушам, кумполу; отводить, дать коромыслом, поленом березовым, ухватом, туплей, ракеткой, кастрюлей; по-русски.*

1.2. Глаголы очищения и удаления объекта: *вышвырнуть (разг.), вывести, выдворить, выставить, швыкнуть (прост.).*

1.3. Глаголы повреждения объекта: *выдергать (разг.), вырвать ... волосы, длинный язык, космы (прост.), голову; оторвать ... руки, ноги, уши, голову; открутить башку (прост.); разбить морду (прост.) и т. п.; пырнуть ножом.*

1.4. Глаголы активного воздействия на объект с нанесением ему вреда вплоть до разрушения: *показать (разг.) в значении «проучить кого-либо, сделать нагоняй кому-либо за что-либо ... где раки зимуют, кузькину мать» [Словарь русского языка, 1987 : 243]; убить; ответить в значении «понести наказание, заплатить за что-либо» [Словарь русского языка, 1986 : 668]; дождешься в значении «угрозы, угрожающего предупреждения» [Словарь русского языка, 1985 : 416]; припомнить (разг.) в значении «не забыть сделанного кем-либо, чтобы отомстить, наказать за это» [Словарь русского языка, 1987 : 435]; (рас-), (при-)стрелять (-ить); утопить; уничтожить; не забыть; вышибить дух (груб. прост.); доспеть; казнить; карать; ликвидировать; наделать козлет; наказывать; наставить пару ветвистых; натывать носом; ошпарить чаем; поймать; покарать; порубать в капусту в значении «изрубить, искрошить, искромсать на мелкие части» [Фразеологический словарь современного русского литературного языка, 2004 : 488]; прижать хвост; разделить как свинью; сбросить вниз; стереть в порошок в значении «расправиться с кем-либо, добиться устранения, уничтожения кого-либо» [Фразеологический словарь современного русского литературного языка, 2004 : 81]; уложить (разг.); работать.*

2. ЛСГ глаголов социальных отношений

2.1. Глаголы принуждения: *погнать + инструмент действия (палкой, метлой поганой).*

2.2. Глаголы влияния: *посадить; штрафовать; звонить ... в милицию, начальнику, кому положено; позвать ... папу, Веру Петровну; фиксировать; мстить; арестовать; выломать дверь; вляпать статью; запретить; карать; перестать уважать; раскулачить; наказывать; найти, кто это сделал; найти управу; оставить ... с чем; отнести записку; переломать жизнь; поставить в положение; уволить; шантажировать*

Поскольку угроза выражает условие и предполагаемое действие, важным для нее оказывается лексическая маркированность глагольной лексики, в которой неизменно выделяются ядро и периферия.

Грамматическими маркерами РЖ угрозы являются особые синтаксические конструкции. Эти конструкции могут быть представлены в виде структуры языкового поля, которое, как известно, имеет свой центр и периферию:

1) ядерными оказываются речевые высказывания с условным компонентом (Быстров, 1999). Это связано с тем, что семантическая структура угрозы включает в себя номинацию действия, выполнение которого требует говорящий, и порой номинацию действия, которое обязуется выполнить говорящий в случае неповиновения и которое не соответствует интересам адресата. Между этими действиями устанавливается причинно-следственная связь. Условно подобного рода отношения можно представить таким образом: (если) ты сделаешь X, (то) я сделаю Y, что не в твоих интересах [Бут, 2004 : 5]. Подобные речевые высказывания структурно состоят из двух частей: условной части и части, где говорящим эксплицируется действие, которое он предполагает совершить в ущерб адресату. Среди этих конструкций обнаруживается некоторая вариативность:

а) условная часть. Предполагаемое действие: – *Или ты прекратишь этот дурацкий самоанализ, или я сейчас же уйду на улицу* (Розов. «Затейник»);

б) условная часть. (А) то предполагаемое действие: – *Скажешь, а то – не поедешь* (Розов. «В добрый час»);

в) имеются примеры, где угроза входит в состав диалогического единства, оказываясь расчлененной на несколько частей репликами собеседников.

– Условная часть

– ...

– Предполагаемое действие: – *Андрюша, Николай Афанасьевич уходит, иди же!*

– *Я сейчас возьму и отнесу эту записку в газету.*

– *Перестань говорить глупости.*

– *Отнесу.*

– *Не смей так шутить, слышишь!*

– *Я не шучу.*

– *Не смешно. Дай сюда записку.*

– *Не дам.*

– *Я позову отца.*

– *Зови* (Розов. «В добрый час»);

г) условная часть – предполагаемое действие: – *Будешь грубить – выгоню* (Арбузов. «Жесткие игры»).

Речевые высказывания, в которых отсутствует одна из двух частей, также оказываются самыми частотными и могут представлять собой одну из ядерных групп. Среди них можно выделить:

2) высказывания без условной части, которые грамматически выглядят следующим образом: (Вот) предполагаемое действие: – *Отдай ей дачу, – сказал я. – Ты не будешь там жить.*

– *Я туда носа не покажу! Я вообще эту дачу ненавижу! Я ее сожгу, но ей не отдам! Сожгу, а не отдам!* (Токарева. «Пираты в далеких морях»).

Адресант сразу называет то действие, которое он осуществит, или собеседник будет настаивать на своем. В подобном высказывании невербализованная (условная) часть восполняется за счет конституации.

Существует малочисленная группа конструкций, в которых адресант произносит только союз *если* и останавливается, не договаривая условия, которое становится понятным из конституации: – (в ярости) *Я тебя убью, если ты...* (из устной речи);

3) высказывания без вербализации предполагаемого действия: (Если) условная часть, (а то)...: – *Если ты сейчас не заткнешься...* (из устной речи).

В такого рода высказываниях не актуализируется то, каким образом говорящий собираются причинить вред адресату, что оставляет в дальнейшем за говорящим право выбора любого средства причинения ущерба и «наведения страха» из множества возможных.

Следующие группы отличаются от вышеперечисленных присутствием в них определенного лексического маркера:

4) конструкции со словом *смотри* в значении междометия – выражает предостережение, угрозу [Большой толковый словарь русского языка, 2001 : 1219]: *смотри, предполагаемое действие: – Смотри, Алик, я найду себе другого* (Вампилов. «Утиная охота»).

Смотри, (если, чтоб) условная часть: – Ох, браточек, смотри, пробросайся (Арбузов. «Шестеро любимых»).

(А то) *смотри, (если) условная часть, (смотри) предполагаемое действие: – А то смотри. Скажешь – ой, плохо будет* (Распутин. «Последний срок»).

Смотри: – Я не в прямом смысле...

– *В кривом значит? Смотри, Миша!* (Розов. «Четыре капли»).

5) в РЖ угроза русские предпочитают использовать Я-высказывания вместо упоминания о возможном возмездии [Вахтеп, 2000: 45 – 46], например: – *Я тебе поболтаю! Я тебе дам!* В данной группе реализации угрозы не меняется грамматическая парадигма, которая ориентирована на лексическую семантику предиката.

Я тебе (ему, ей) + глагол физического (морального) воздействия (+объект воздействия) (откручу башку, оторву голову и т. п.): – Ты без этой игрушки хочешь остаться, я тебе это устрою. И язык твой длинный вырву! (из устной речи).

Я тебе (ему, ей) + глагол, называющий действие, совершаемое адресантом и вызывающее неодобрение адресата (полежу на диване, пройду без очереди, не пойду в школу и т. д.): – Я те щас закурю! – негромко, напористо, властно пригрозила она. – Я те щас головешкой в розжу закурю! Я тя, зажигателя, щас подведу и дам понюхать, чем там пахнет он, ишо над матерью изгаляться, ишо мало ему?! А ну уметайся отсель, покуль я за тя не взялась (Распутин. «Прощание с Матерой»).

Высказывание: Я тебе (ему, ей, им)... с незамещенной синтаксической позиции предиката: – Вася-ка хотел, было, схватить хлеб со стола.

– *Я тебе, – пригрозила Матрена* (Корсунков. «Очередь»). Подобное высказывание довольно часто сопровождается соответствующим невербальным поведением (помахиванием перед лицом оппонента указательным пальцем, кулаком);

Я тебе + фразеологическое сочетание: покажу (кузькину мать (груб. прост.) в значении выражения угрозы кому-либо [Фразеологический словарь современного русского литературного языка 2004 : 126], где раки зимуют в значении выражения угрозы [Фразеологический словарь современного русского литературного языка, 2004 : 335] и т. п.).

б) *придаточные самостоятельные: Чтоб... : – У-у, – немурь! К завтраму, чтоб на зубок знал. Пошел!* (Замятин. «На куличках»).

Таким образом, угроза представляет собой речевые действия, направленные на инициирование или торможение разных форм активности партнера по коммуникации. Существует вид угрозы, когда субъект не способен по некоторым причинам в реальности выполнить действие угрозы, которой можно назвать «псевдоугрозой». Как правило, грамматическим показателем «псевдоугрозы» оказывается сослагательное наклонение: – *Что бы ты сказал, если бы Егор вздумал учить тебя, как строить танки?*

– *Что бы сказал? Да я бы его в порошок стер! – Дядя Петя гоготал, свирепо мотая лохматой седой башкой. – Я бы из него котлет наделал! Я бы его в капусту порубал, нахала такого!* (Трифонов. «Другая жизнь»). Говорящий в данном случае хотел бы изменить поведение адресата, возможно, и путем запугивания, но по известным причинам не может выступать гарантом реализации своих намерений. По своим формальным (языковым) характеристикам эта «псевдоугроза» является настоящей угрозой, но в то же время, в связи с какими-то обстоятельствами, не воспринимается как реальная.

Таким образом, жанр угрозы оказывается формой конфликтного речевого взаимодействия и имеет в связи с этим особую языковую и речевую репрезентацию. Угроза имеет такие конфликтогенные свойства, которые провоцируют пользователей языка на конфликтное взаимодействие. Эти свойства поддерживаются социальными и психологическими факторами, под влиянием которых формируются устойчивые типы личностей, вступающих в коммуникацию и действующих по тем или иным моделям общения.

РЖ угрозы представляет собой определенный сценарий, за которым закрепляется стандартный набор способов действий (вербальных и невербальных), их последовательность в развитии коммуникативного события. Угроза, как и любой другой жанр, обладает собственным репертуаром языковых средств, сигнализирующих о целях и интенциях коммуникантов.

Литература

1. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 159 – 206.
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецовой. – СПб, 2001. – 1535 с.
3. Бут, Н. А. Просодические характеристики ситуативно обусловленных иллокутивных актов группы «менативов» (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ...канд. филол. наук / Н. А. Бут // <http://www.ksu.ru>. – Тамбов, 2004. – 23 с.
4. Быстров, Б. Б. Полиллокутивность речевых актов угрозы с условным компонентом / Б. Б. Быстров // Язык, культура и социум в гуманитарной парадигме: сб. науч. тр. – Тверь, 1999. – С. 23 – 26.
5. Вахтель, Н. М. Русское и финское коммуникативное поведение / Н. М. Вахтель // <http://commbehavior.narod.ru>. – Воронеж, 2000. – С. 45 – 46.
6. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. – М., 1999. – 1020 с.
7. Труфанова, И. В. О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика / И. В. Труфанова // Вестн. СПбУ. Сер. «Языкознание». – 2000. – № 7. – С. 56 – 64.
8. Федосюк, М. Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи / М. Ю. Федосюк // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 66 – 87.
9. Федосюк, М. Ю. Стиль ссоры / М. Ю. Федосюк // Рус. речь. – 1993. – № 5. – С. 15 – 19.
10. Шелингер, Т. Н. Нетрадиционно выделяемые коммуникативные единицы современного английского языка: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Т. Н. Шелингер. – Л., 1986. – 16 с.